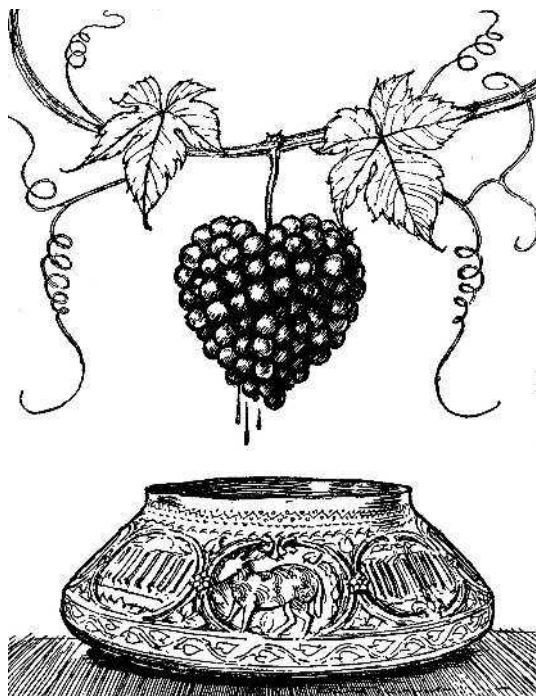

Омар Хайям

Рубайят

Москва

УДК 82-1
ББК 84(0)5
X15

Серия «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Оформление обложки *Натальи Байдаковой*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Хайям, Омар
X15 Рубайят / Омар Хайям; состав, ст. и коммент. Д. Сокорновой. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 272 с. — (Мировые шедевры. Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-17-110437-5

Более тысячи лет отделяют нас от времени жизни персидского поэта, ученого и философа Омара Хайяма, но его живое слово до сих пор волнует и трогает человеческие сердца, которым близки главные темы его поэзии — любовь, красота и хрупкость человеческой жизни, наслаждение каждым отдельным ее мигот.

В предлагаемой читателям книге «летучие» четверостишия-рубаи сопровождаются иллюстрациями и фотографиями, позволяющими взглянуть на мудрость Хайяма глазами Востока и Запада, а детальные комментарии погружают в дополнительные смыслы текста, открывая его исторический и культурный фон.

УДК 82-1
ББК 84(0)5

ISBN 978-5-17-110437-5

© Д. Сокорнова, состав, ст. и коммент., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Труды и дни Омара Хайяма

Судьба меня растопчет тяжелою пятой
И птицу-жизнь оциплет безжалостной рукой.
Но вы кувшин слепите из праха моего
И жизнь в нем воскресите вина струей живой.

Непостижима и парадоксальна бывает судьба гения, идущая рука об руку с неверной, подчас непрощенной подругой — славой, то гремящей вокруг с юных лет, то настигающей только спустя столетия или причудливо меняющей маски на ходу. Омару Хайяму была уготована именно такая участь: он стал известен еще при жизни, но совсем не как поэт, а как астроном и математик, врачеватель, выдающийся ученый, философ, ко мнению которого прислушивались сильные мира сего. Его полное имя — Гийяс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури — содержит почетный арабский титул (лакаб) Гийяс ад-Дин, что можно перевести как «помощь религии» или «плечо веры». И это значит, что он преуспел также в богословии и толковании Корана — он, человек, которого спустя много лет порицали как безбожника, а еще позже — восхваляли как атеиста, благодаря его поэзии, или, скорее, поверхностному взгляду на нее.

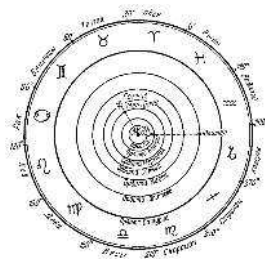
Так как он жил в исторически сложную эпоху и нас отделяет от него целое тысячелетие, то даже некоторые ученые его труды утеряны, а поэтическое наследие, дошедшее до нас лишь в списках, созданных уже после его смерти, до сих пор очень мало изучено. Неизвестно даже точное число стихотворений, принадлежащих поэту: сегодня востоковеды в основном сходятся на том, что подлинно хайямовских четверостиший всего около четырехсот, но есть и другие мнения. Например, английский иранист Лоренс Пол Элвелл-Саттон однажды высказал такую мысль: «Персидская литература, одна из богатейших в мире, прославилась благодаря тому, кто, быть может, не написал

*Памятник Омару
Хайяму в Бухаресте /
Фото Wikimedia
Commons, Златко
Крастев*

Самое раннее изображение Омара Хайяма. Миниатюра из рукописи Али Герави, 1509 г. Достоверных портретов Хайяма не сохранилось

Гороскоп Хайяма

...Трудолюбие и выдающиеся способности... По свидетельству аль-Бейхаки, Омар Хайям обладал также феноменальной памятью: «Однажды в Исфахане он прочел какую-то книгу семь раз и запомнил ее. Возвратившись в Нишапур, он записал [ее по памяти]. Когда сравнили с оригиналом, то между ними не оказалось существенной разницы».

«Трудные вопросы арифметики» — сохранилось лишь упоминание об этом трактате в трудах ученых последователей Хайяма, в частности в труде Насир ад-Дина ат-Туси «Сборник по арифметике с помощью доски и пыли», но сама рукопись Хайяма до сих пор не найдена.

ни единой строчки», французский филолог XIX века Джеймс Дармстетер писал, что не один вольнодумец облегчил свое сердце, выдав собственное рубаи за рубаи Хайяма, а датчанин Артур Кристенсен называл четверостишия поэта «произведением коллективного перса». В то же время есть и противоположная точка зрения — так, в 1941 году вышла работа индийского философа и ориенталиста Свами Говинды Тиртхи «Нектар Милосердия», который приводит около тысячи рубаи, которые могли принадлежать Хайяму...

Подробности жизни поэта и ученого также довольно скупы и лаконичны. Хайям родился в иранской провинции Хорасан, в городе Нишапуре (об этом сообщает нам особая часть его полного имени — нисба Нишапури). Точная дата его рождения установлена лишь в XX веке, по гороскопу, который приводит средневековый историк Абу-л-Хасан аль-Бейхаки, лично знавший Хайяма, в своей книге «Дополнение к «Охранителям мудрости»». Свами Говинда Тиртха, используя средневековые индийские таблицы движения планет, установил, что Хайям родился 18 мая 1048 года.

В юности он учился у самых известных ученых Нишапура, изучая труды восточных и античных авторов, а трудолюбие и выдающиеся способности* помогли ему достичь особых успехов во многих науках: математике, физике, геометрии, астрономии, философии, истории и праве, даже в медицине и теории музыки. Из Нишапура Хайям отправляется в странствия: в Балх, затем в Самарканд, позже — ко двору правителя Бухары Шамс ал-Мулька. И по всей видимости уже в то время он написал свои прославленные ученые труды — «Трудные вопросы арифметики»*, «Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы»*

«Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы». Известный персидский математик Аль-Хорезми (783 — ок. 850) придумал действия, до сих пор используемые при решении квадратных уравнений, — алгоритмы (названные так в честь его имени). Первый из этих алгоритмов, ал-джабр (от этого арабского слова произошло слово «алгебра»), состоит в перенесении отрицательного члена из одной части в другую для получения в обеих частях положительных членов. Второй алгоритм — ал-мукабала — состоит в приведении подобных членов в обеих частях уравнения.

и «Трактат об объяснении трудного в заключениях в книге Евклида»*. Его открытия в математике и геометрии, сделанные в это время, во многом предвосхитили открытия европейских ученых эпохи Просвещения — Исаака Ньютона и Рене Декарта*, что признано современным ученым миром.

Таланты Хайяма были по достоинству оценены иранскими правителями, воинственными султанами из тюркской династии завоевателей — Сельджукидов, Алп-Арсланом и его преемником Малик-шахом. Приглашенный ко двору в Исфахане, он становится приближенным (надимом), астрологом и астрономом султана Малик-шаха, руководит придворной обсерваторией*. Как надиму Хайяму иногда приходилось сопровождать Малик-шаха на охоте и в поездках, врачевать, составлять гороскопы и даже предсказывать погоду*. Ему доверяет главный визирь султана, Низам аль-Мульк, тоже уроженец Нишапура: легенда (правда, недостоверная, главным образом из-за разницы в возрасте) гласит, что они с Хайямом учились вместе, стали кровными братьями, поклявшись помогать друг другу, и визирь сам нашел Хайяму место при дворе*.

«Трактат об объяснении трудного в заключениях в книге Евклида».

Хайям писал свои трактаты на «восточной латыни» того времени — арабском языке, которым владел в совершенстве, и здесь нужно заметить, что стихотворения, в отличие от ученых трактатов, написаны на его родном персидском.

...Открытия европейских ученых эпохи Просвещения...

В частности, в «Трудностях арифметики» Хайям вывел математическую формулу разложения натуральной степени двучлена, в общем виде известную как «бином Ньютона».

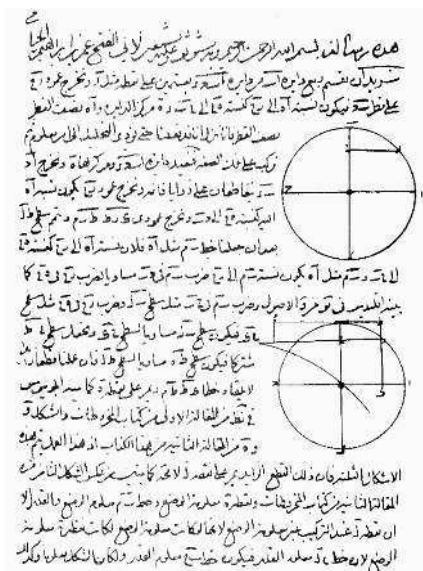
...Руководит придворной обсерваторией...

Средневековый историк Ибн ал-Асир (XII–XIII вв.) пишет: «Низам ал-Мульк и султан Малик-шах собрали самых лучших астрономов... Для султана Малик-шаха была построена обсерватория, в ее создании участвовали лучшие астрономы Омар ибн Ибрахим ал-Хайями, Абу-л-Музаффар ал-Исфазари, Маймун ибн Наджиб ал-Васити и другие. На создание обсерватории пошло очень много средств».

...Даже предсказывать погоду... Но ни единого слова не доносят до нас хроники этих дней о том, что Хайям был еще и поэтом: в те времена при дворе царил поэт Муиззи, слагавший панегирики. И это как раз объяснимо: колкие, меткие слова многих рубай не щадят ни султанского величия, ни «святость» мусульманских богословов и служителей, и потому не могли прославить Хайяма в это время, скорее всего, ему приходилось скрывать свое авторство. Как полагают исследователи, многие рубай были сложены им устно и произнесены вслух «по случаю», а уже после подхвачены слушателями, учениками и последователями, а еще позже записаны. Этим также можно объяснить многовариантность и разночтения в некоторых рубай.

Легенда... гласит... Согласно той же легенде, кровным братом ал-Мулька и Хайяма стал Хасан ас-Сабах (середина 1050-х — 1124) — впоследствии глава секты исмаилитов (в Европе их называли ассасинами из-за слухов о том, что они опьяняли себя гашишем), известных своим коварством и наводивших ужас на весь средневековый Восток. От рук одного из исмаилитов в 1092 году и погиб великий визирь Низам аль-Мульк, и несколько месяцев спустя умер Малик-шах — предположительно, тоже отравленный членами этой секты.

Страница из алгебраического трактата Хайяма, рукопись которого хранится в Тегеранском университете

Основой этого календаря... В XI веке в Иране сосуществовали рядом две календарные системы: солнечная зороастрийская и лунная мусульманская. Обе они были несовершенны. Солнечный год насчитывал 365 дней; поправка на неучитываемые дробные части суток корректировалась только один раз в 120 лет, когда ошибка уже составляла целый месяц. Лунный же мусульманский год, насчитывавший 358 дней, был практически непригоден для сельскохозяйственных работ, а в то время это было существенным недостатком.

...Султану не дало закончить работу время... Из этих слов можно заключить, что делу помешала смерть султана, однако есть сведения, что новый календарь был почти готов к марту 1079 года, а Малик-шах правил еще тринадцать лет.

Портрет Малик-шаха на персидской миниатюре

Памятник Низам аль-Мульку в иранском городе Мешхеде / Фото Wikimedia Commons, Juybari

В течение двадцати лет службы у правителя Хайям относительно спокойно мог заниматься наукой. Он участвовал в составлении солнечного иранского календаря, названного по имени заказавшего его султана «Маликшаховым летосчислением», или «Джалаледдиновой эрой». Основой этого календаря был тридцатитрехлетний период, включавший восемь високосных годов, следовавших семь раз через четыре года и один раз через пять лет*.

Проведенные Хайямом расчеты позволяли свести временную разницу календарного года и тропического (составляющим 365,2422 дня) к девятнадцати секундам. Таким образом, иранский календарь был на семь секунд точнее принятого в мире григорианского, в котором годовая ошибка составляет двадцать шесть секунд. Однако что-то — сам Хайям пишет, что султану не дало закончить работу время* — помешало внедрению этого календаря. После смерти султана также пришла в упадок и была закрыта Исфаханская обсерватория, а бесценные «Маликшаховские астрономические таблицы», основанные на наблюдениях, сделанных там, сегодня практически утрачены.

*Мавзолей Омара Хайяма в Нишапуре, возведенный в XX веке.
В ночном и дневном освещении / Фото Wikimedia Commons*

Годы правления вдовы Малик-шаха, Туркан-хатун, и его преемника султана Санджара были тяжелыми для Хайяма. Сам он с горечью писал: «Мы были свидетелями гибели ученых, от которых осталась небольшая многострадальная кучка людей. Суровость судьбы в эти времена препятствует им всецело отдаться совершенствованию и углублению своей науки. Большая часть тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и лицемерия. И если они встречаются человека, отличающегося тем, что он ищет истину и любит правду, стара-

ется отвергнуть ложь и лицемерие и отказаться от хвастовства и обмана, они делают его предметом своего презрения и насмешек».

Так и не сумев стать изворотливым царедворцем, Омар Хайям покидает Исфахан и возвращается в родной Нишапур, где проведет остаток своей жизни, лишь изредка наведываясь в Бухару или Балх — как правило, для составления гороскопов или участия в ученых диспутах — и однажды совершив длительное паломничество в священный центр мусульманского мира, Мекку. В Нишапуре он изредка преподавал в медресе, где у него была своя кафе-

дра, и занимался вопросами философии: в этот период написан его «Трактат о всеобщности существования». И как считают многие специалисты-«хайямоведы», именно к этому периоду можно отнести самые горькие и мрачные из его стихотворений, полные безответных вопросов к Творцу, в то время как светлые, радостные, воспевающие юность и зовущие «ловить мгновение», написаны в пору расцвета его жизни.

Умер Хайям в возрасте около восьмидесяти лет, как предполагают сегодня, в 1131 году (по другим источникам — в 1122/1123, что отражено в надписи на его обелиске)*. По свидетельству историка аль-Бейхаки, приведенному в одном из трактатов, последними словами поэта и ученого были: «Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, постольку я к Тебе приблизился».

Умер Хайям... в 1131 году. Уже в наши дни на средства, собранные почитателями поэта, над его могилой возведены обелиск и мавзолей, а эпитафия на обелиске, в последней строке которой зашифрована дата его постройки (1313 год хиджры — мусульманского календаря, отсчитывающего время от исхода пророка Мухаммеда из Мекки в Медину, — что соответствует 1934 г. по нашему календарю), гласит:

*СМЕРТЬ МУДРЕЦА 516 Г. ХИДЖРЫ
ПО ЛУННОМУ КАЛЕНДАРЮ*

*У могилы Хайяма присядь и свою цель потребуй,
Одно мгновенье свободы от горя мира потребуй.
Если ты хочешь знать дату построения обелиска,
Тайны души и веры у могилы Хайяма потребуй.*

Джей Гамбидж. На могиле Омара Хайяма.
Около 1911 г.

Слово Хайяма через века

Путь поэтического слова Хайяма, дошедшего до нас через века, был извилист и сложен. Но слово это, однажды сказанное, осталось живым, и будет живо до тех пор, пока люди будут помнить и любить его.

Возможно, долгое время при жизни Омара Хайяма и после его смерти созданные им четверостишия-рубаи передавались из уст в уста. Древнейшая известная нам рукопись, в которой они были записаны без указания авторства, сегодня датируется 1159 годом: это «Синдбад-наме», своеобразный роман, написанный Мухаммадом Захири Самарканди и состоящий из притч и поучительных рассказов, украшенных россыпью арабских и персидских стихотворений.

В течение еще двух веков отдельные рубаи Хайяма появляются в различных рукописях в небольшом количестве, и лишь затем их число вдруг сильно возрастает: их становится больше полутора тысяч! Однако на Востоке в те времена Хайяма продолжали считать в первую очередь ученым. Средневековые же историки замалчивают о его стихотворениях или отзываются о них крайне неодобрительно, оценивая их с точки зрения норм мусульманских законов.

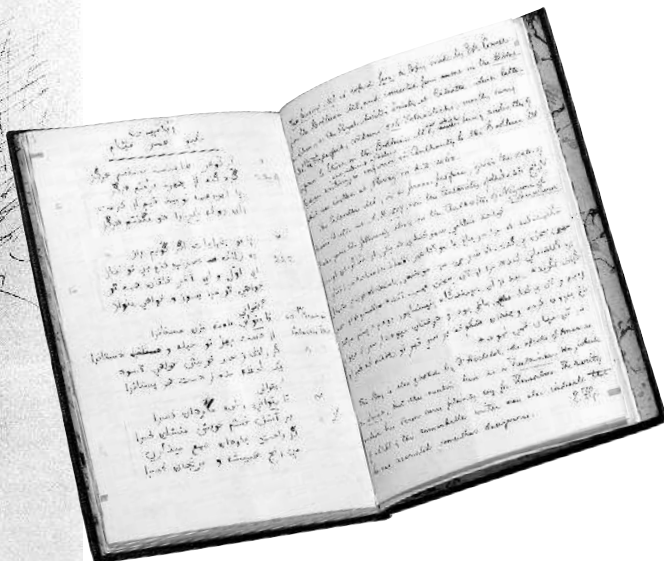
До Европы же его стихи (как и трактаты) дошли еще позже: сначала их перевод на латынь появился в 1700 году в «Истории религии древних персов» оксфордского ученого Томаса Хайда. Еще позже, в первой

Знаменитая Бодлианская рукопись, датируемая 1460 годом — один из старейших и авторитетных списков рубаи Хайяма. В Европу она попала благодаря британскому востоковеду, побывавшему в Персии — сэру Уильяму Оусли / Бодлианская библиотека, Великобритания, Оксфорд

Портрет Эдварда Фицджеральда
в молодости

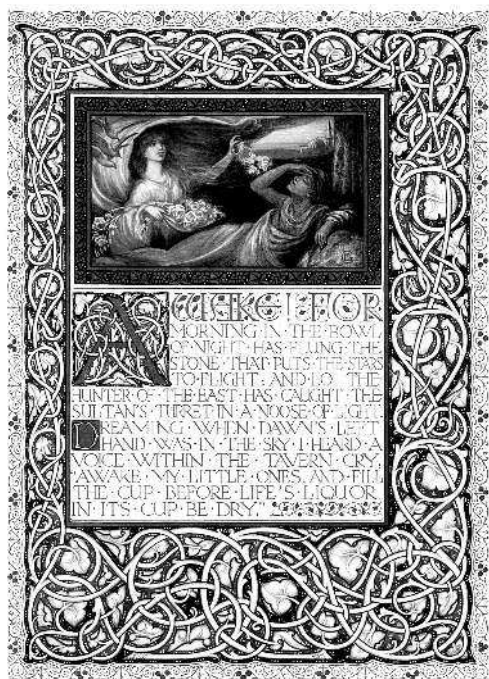

Записная книжка Фицджеральда с персидскими
текстами / Бодлианская библиотека,
Великобритания, Оксфорд

половине XIX века, появляются переводы и на английском и немецком языках, но справедливости ради нужно сказать, что все они были замечены лишь небольшим кругом ученых-востоковедов.

Все изменилось во второй половине XIX века, в 1857 году, когда малоизвестный английский поэт Эдвард Фицджеральд (1809–1883) благодаря своему другу, востоковеду Эдварду Байлсу Коуэллу, изучавшему и переводившему персидскую литературу, заинтересовался персидской поэзией. Позже Коуэлл нашел в Бодлианской библиотеке в Оксфорде рукопись 1460 года, включающую 405 рубаи Хайяма. Перед этим уче-

ный уже присылал поэту другие четверостишия Хайяма, найденные им в Азиатском обществе в Калькутте. С воодушевлением взявшись за поэтический перевод рубаи, Фицджеральд писал Коуэллу: «Старик Хайям звенит, как настоящий металл». Однако он не подходил к переводу с точки зрения формальной точности и обходился с оригиналом скорее не как переводчик, а как настоящий поэт: мысли нескольких рубаи компоновал в одном стихотворении, «дописывал» одни образы и отбрасывал другие. В итоге, как мозаику из кусочков, он составил цельное произведение — поэму под названием «Рубайят Омара Хайяма», в которую

Начальная иллюстрация из издания «Рубайят»
Э. Фицджеральда. Художники
и оформители Френсис Санзорски
и Джордж Сатклифф. Лондон, 1910 г.

Финальная иллюстрация из издания
«Рубайят». Художник Герберт Коул.
Лондон; Нью-Йорк, 1901 г.

вошли отчасти переводы четверостиший самого Хайяма, а отчасти творчество Фицджеральда и его вольные переводы из других персидских поэтов — Фаридадина Аттара и Хафиза*. В этой поэме прослеживается жизненный путь лирического героя: он начинается на рассвете, когда герой полон сил, любви и надежд и безоглядно предается жизненным удовольствиям, а заканчивается закатом, смертью героя и его завещанием. Путь этот оказывается полным грехов, разочарований в жизни и вопросов к Богу, на которые герой так и не получает ответа.

В 1859 году Фицджеральд анонимно опубликовал поэму. Тираж книги был скромнен — 250 экземпляров, однако и их раскупать не спешили. Тогда книготорговец снизил цену до грошовой — всего один пенс за штуку. Не сделай он этого, книга, может быть, так и

Поэму под названием «Рубайят Омара Хайяма». Позже Фицджеральд дорабатывал, совершенствовал свое издание поэмы: вышли четыре ее редакции при его жизни, а пятая — уже после смерти поэта. В первом издании общее число четверостиший, составляющих поэму — 75, в последующих пяти авторских редакциях их число колеблется от 101 до 110.

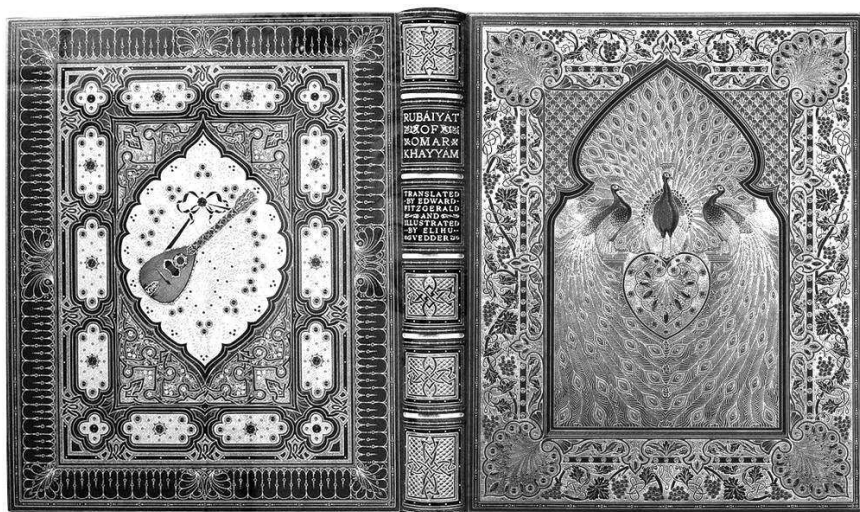
«Братство прерафаэлитов» — объединение художников и поэтов в викторианской Англии XIX века, противостоящее официальному академическому искусству того времени. Прерафаэлиты проповедовали возврат к идеалам художественной эпохи Раннего Возрождения, отказ от «кабинетной живописи» и слепого копирования классических образцов. В братство входили многие выдающиеся деятели искусства: Данте Габриэль Россетти, Уильям Холман Хант, Джон Эверетт Милле, Мэддокс Браун, Эдвард Берн-Джонс, Уильям Моррис, Артур Хьюз, Уолтер Крейн, Джон Уильям Уотерхаус, Чарльз Эдджернон Суинберн. Прерафаэлитов также поддерживал известный теоретик искусства Джон Рескин.

...«Совместное произведение»... персидского поэта и эксцентричного англичанина... Известный аргентинский писатель и философ Хорхе Луис Борхес (1899–1986) в своем эссе «Загадка Эдварда Фицджеральда» высказывает нетривиальный взгляд на плоды этого союза: «Исаак Лурия эль Леон учил, что душа умершего может войти в душу-неудачницу, дабы поддержать и наставить ее. Быть может, в 1857 году душа Омара соединилась с душой Фицджеральда. В «Рубайят» сказано, что всемирная история — это спектакль, задуманный, поставленный и созерцаемый Богом; такое наблюдение (терминологически именуемое «пантеизм») позволяет предположить, что англичанину удалось воссоздать перса, поскольку оба, по сути, были Богом или случайным взглядом Бога. Более правдоподобно и не менее чудесно, чем эти сверхъестественные предположения, гипотеза благотворного совпадения. Иногда облака принимают форму гор или львов; аналогичным образом печаль Эдварда Фицджеральда и пожелтевший манускрипт с лиловыми литерами, забытый на полке оксфордской Бодлианской библиотеки, приняли, к нашему счастью, форму поэзии. Всякое соавторство загадочно. А соавторство нашего англичанина и перса загадочно как никакое другое, ибо они слишком разные и, вероятно, в жизни бы не стали друзьями, а смерть, перипетии и время понадобились только лишь для того, дабы последний узнал о первом, что оба они — один и тот же поэт».

осталась бы известна лишь нескольким любопытствующим ученым мужам, как и другие европейские переводы из Хайяма, сделанные до этого. Но благодаря дешевизне книга все-таки разошлась, и так несколько ее экземпляров попали в руки к членам «Братства прерафаэлитов»* — людям, разбирающимся в искусстве и его красоте. Это были Данте Габриэль Россетти и Чарльз Эдджернон Суинберн. Проникшись духом и мыслями хайямовских четверостиший, они распространили их среди членов своего братства и другой артистической публики, и вскоре книга стала чрезвычайно популярна, сначала в Европе, а потом и в Америке. Но это была не простая популярность: «совместное произведение» давно ушедшего персидского поэта и эксцентричного англичанина* повлияло

Обложки нескольких изданий поэмы «Рубайят Омара Хайяма», выпущенных в конце XIX — первой половине XX века

Обложка издания поэмы «Рубайят Омара Хайяма», оформленная Ф. Сангорски и Дж. Сатклиффом. 1910 г.

даже на жизнь людей и на литературу и искусство конца XIX — первой половины XX века. Постепенно по всему миру начали открываться клубы имени Омара Хайяма, журналисты использовали катрены поэмы для того, чтобы проиллюстрировать те или иные политические и социальные события, «Рубайят» начали упоминать литературные герои других писателей, появилось большое количество подражаний и пародий, литературоведы занялись серьезным изучением текстов рукописей Хайяма, появилось множество переводов рубаи на английский и другие языки, в том числе и первые переводы на русский.

Так Фицджеральд обеспечил Хайяму бессмертие уже в западной части мира, да и слава Хайяма-поэта

вновь докатилась и до Востока, однако на Западе сама суть персидских четверостиший долгое время была подвержена искажениям, по иронии судьбы, во многом благодаря поэме «Рубайят» и культурному слою, который она образовала, включая иллюстрации, собрания клубов, даже художественные фильмы и тому подобное. Например, массовый читатель считал самого Хайяма таким гедонистом, растрачивающим жизнь в плотских удовольствиях, а его поэзию — лишь призывом... к пьянству и любовным утехам. Примечательной иллюстрацией к этому может служить юмористический рассказ американского писателя О. Генри «Справочник Гименя», в котором герои — двое бродяг — находят в заброшенной хижине две книги и